
Г. А. ЗАВАЛЬКО

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблема революции – одна из величайших проблем социальной философии – привлекает внимание философов с XVII века, но научную разработку впервые получает в контексте материалистического понимания истории, определившего наиболее общую причину социальной революции как таковой – конфликт старых отношений собственности с развитой ими производительной силой общества. «Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»¹. Эти слова К. Маркса цитировались очень часто, но от этого не стали менее верными. Замечу, что Маркс не говорит о том, что конфликт разрешается угнетенными массами – то есть что революция обязательно происходит «снизу». Теперь остановлюсь на основных, на мой взгляд, чертах марксистской теории революции, чтобы затем перейти к идеям оппонентов марксизма.

Возникают ли новые отношения собственности до или после политического переворота? Иначе говоря, власть берет уже сформировавшийся в недрах старого общества класс или же класс, возникающий в ходе самой революции? Первый случай – наиболее очевидный. Этому типу революции, который я буду называть **революция-замещение**, наиболее полно соответствует буржуазная революция. Но нет никаких оснований считать второй тип перехода власти неревolutionционным, так как старые отношения собственности ликвидируются и в этом случае. Смена одного строя другим может проходить в форме **революции-возникновения**. Таковы все революции «сверху», наличие которых не вызывало сомнений у

---

¹ Маркс, К. К критике политической экономии // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 7.

основателей марксизма². Резолюцией-возникновением будет и социалистическая революция.

Революция происходит при подъеме, а не при упадке. Революции – концентрированное выражение прогресса, а не регресса, поэтому они – «локомотивы истории»³. Это продолжение эволюционного прогресса другими средствами, а не деструктивный бунт. Это важно подчеркнуть, потому что в западной социологии такой взгляд приписывается исключительно Токвилю, а Марксу – бакунинское видение источника революции в нищете и отчаянии. «Существуют две противостоящие друг другу модели – Маркса и де Токвиля. Согласно одной, народная революция – продукт обнищания, согласно другой, революция, напротив, результат процветания»⁴, – пишет нидерландский социолог и востоковед Биллем Фредерик Вертхайм. Но различие взглядов Маркса и Токвиля не в этом. Токвиль непоследователен в признании прогрессивности революций, считая, что их можно и нужно избегать; Маркс последователен, считая их неизбежными.

Подлинные задачи революции и их осознание ее участниками не совпадают. По словам Энгельса, «действительные, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в ходе этой революции»⁵. Социальные революции в конечном счете непобедимы. Это логически вытекает из объективной обусловленности революций. Поэтому даже убежденные противники революции порою должны выполнять ее программу, диктуемую потребностями развития данного общества. В противном случае общество просто погибнет.

Наконец, революции, приведшие к новой стадии истории (общественно-экономической формации), имеют значение не только для тех обществ, где они произошли, но и для человечества в целом: «Революции 1640 и 1789 годов не были английской и фран-

---

² Маркс, К. Эрфуртовщина в 1859 году // Маркс, К., Энгельс, Ф. Указ соч. – Т. 13. – С. 432; Энгельс, Ф. Англия в 1845 и 1885 годах // Там же. – Т. 21. – С. 201; Энгельс, Ф. Роль насилия в истории // Там же. – С. 448; Энгельс, Ф. Письмо Н. Ф. Даниельсону от 17.10.1893 // Там же. – Т. 39. – С. 128 и др.

³ Маркс, К. Классовая борьба во Франции // Там же. – Т. 7. – С. 86.

⁴ Wertheim, W. F. Evolution and Revolution: The Rising Waves of Emancipation. Harmondsworth. – 1974. – P. 183.

⁵ Энгельс, Ф. Письмо К. Каутскому от 7.02.1882 // Маркс, К., Энгельс, Ф. Указ соч. – Т. 35. – С. 219.

цузской революциями; это были революции европейского масштаба...»⁶ Однако и здесь сказано не все: не учитывается возможность таких революций, при которых новый строй возникает в новом, не существовавшем прежде, обществе. Именно такова была Нидерландская буржуазная революция. Республика Соединенных провинций возникла как капиталистическое общество.

Революции – не только прошлое, но и будущее человечества. Капитализм, как любой строй, не вечен. Это подтверждается тенденцией нормы прибыли к понижению. Норма прибыли, ставшая меньше определенной величины⁷, перестает стимулировать развитие производства. Никакой иной эксплуататорский класс не идет на смену буржуазии. Новым стимулом должна стать общественная собственность на средства производства в бесклассовом (коммунистическом) обществе. Переход к нему Маркс и Энгельс видят в революции пролетариата, которая, во-первых, произойдет тогда, когда капиталистические производственные отношения станут тормозом на пути общественного развития; во-вторых, произойдет политическим путем, но не остановится на захвате власти революционной партией, а, напротив, приведет к отмиранию государства; в-третьих, будет иметь глобальный характер.

Трудности, с которыми сталкивается в данном случае марксизм, являются продолжением его достижений. Неясно, как осуществится пролетарская революция. Неясно, как именно произойдет отмирание пролетарского государства после ее победы. Наконец, неясно, что будет с неевропейскими странами, где нет пролетариата. В этом плане интересно одно из поздних писем Ф. Энгельса К. Каутскому: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа... рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»⁸.

---

⁶ Маркс, К., Энгельс, Ф. Буржуазия и контрреволюция // Указ. соч. – Т. 6. – С. 115.

⁷ По данным современных исследований – 2,5–4 % («Контраргументы и факты». – 1993, май; материалы изданы отдельной брошюрой «Альтернатива – прогресс». – Новгород, 1993).

⁸ Энгельс, Ф. Письмо К. Каутскому от 12.09.1882 // Маркс, К., Энгельс, Ф. Указ. соч. – Т. 35. – С. 297.

Перед нами – одно из первых свидетельств союза буржуазии и пролетариата Запада в деле ограбления колоний. Энгельс явно недооценивает масштабы этого явления, считая, что колонии скоро обретут независимость, а затем «у нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полудивильзованные страны сами собой потянутся за нами»⁹. Итак, сначала пролетарская революция на Западе и освобождение колоний, затем – подтягивание бывших колоний до уровня бывших метрополий. Из всего сказанного Энгельсом в данном случае пока что оправдалось только одно: колонии добились политической независимости. Но это не отделило их от Запада; Энгельс не предвидел масштабов глобализации, одной из сторон которой является неокOLONиализм, а другой – сопротивление ему, принимающее варварские формы терроризма. В данном пункте оппонентами марксизма в XX веке выступают революционеры «третьего мира», например, Франц Фанон (1925–1961). В его концепции Запад и Восток поменяются местами: когда на Востоке победит крестьянская социалистическая революция, Запад вынужден будет его догонять.

Теперь обратимся к проблеме послереволюционного переустройства. *«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность... Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство»*¹⁰. Государство, как пишет Энгельс, не «отменяется», а *отмирает*. Сам тезис возражений не вызывает. Действительно, государство невозможно отменить немедленно и невозможно сделать вечным. Оно есть, пока есть потребность в нем, и исчезнет вместе с этой потребностью. У общества эта потребность должна исчезнуть. Но исчезнет ли эта потребность у тех, кто будет осуществлять управление? Маркс и Энгельс считают: да. Анархисты считают: нет.

Неизбежно было столкновение позиций марксизма и анархизма. Работа М. А. Бакунина (1814–1876) «Государственность и

---

⁹ Энгельс, Ф. Письмо К. Каутскому от 12.09.1882 // Маркс, К., Энгельс, Ф. Указ. соч. – Т. 35. – С. 298.

¹⁰ Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Там же. – Т. 19. – С. 224.

анархия» (1873) посвящена именно спору с марксистами по вопросу о роли и судьбе государства в будущей революции. Маркс, как известно, сделал конспект книги Бакунина, прокомментировав его взгляды; эта заочная полемика представляет интерес по сей день.

Обозначу ее основные моменты. «Спрашивается, – пишет Бакунин, – если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству»¹¹. «Это значит, – отвечает Маркс, – покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется... он должен применять меры *насилия*, стало быть, правительственные меры... *Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов»¹².

Каким образом будет организовано это господство рабочих – диктатура пролетариата? Бакунин убежден, что «с какой точки зрения ни смотри на этот вопрос, все приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников... которые перестанут быть работниками...»¹³. «Не больше, – отвечает Маркс, – чем теперь фабрикант, который не перестает быть капиталистом потому, что стал членом муниципального совета»¹⁴. Очевидно, теоретическое решение этой проблемы неотделимо от практического.

Еще более острой являлась проблема осуществимости самой пролетарской социалистической революции. К концу XIX века рабочее движение в развитых капиталистических странах заставило буржуазию пойти на существенные уступки, положившие начало обуржуазиванию пролетариата. Экономической базой этого явления, позволившего буржуазии сохранить свое господство, были и

---

¹¹ Бакунин, М. А. Государственность и анархия // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. – С. 482.

¹² Маркс, К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс, К., Энгельс, Ф. Указ. соч. – Т. 18. – С. 611–618.

¹³ Бакунин, М. А. Государственность и анархия. – С. 483.

¹⁴ Маркс, К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». – С. 617.

остаются как рост производительности труда на Западе, так и эксплуатация колоний и зависимых стран, поддерживающая высокую норму прибыли.

Неизбежно было изменение идеологии западного рабочего класса, выразившееся в так называемой «ревизии марксизма». Главным ее принципом стал отказ от социалистической революции. Основоположник данного направления Эдуард Бернштейн (1850–1932) писал в книге «Исторический материализм» (1899): «Здесь и в нижеследующем слово “революция” будет употребляться исключительно в политическом его значении, как равнозначащее восстанию, то есть незаконному насилию. Для обозначения понятия коренного изменения общественного режима будет употребляться выражение “социальное преобразование”, оставляющее вопрос о средствах открытым. Цель этого различия – избежать всяческих неточностей и двусмысленностей»¹⁵. Но заявленная Бернштейном цель как раз не достигнута: термин «социальное преобразование» ничуть не яснее термина «социальная революция». Как отметил Карл Каутский (1854–1938) в ответной работе «К критике теории и практики марксизма (Анти-Бернштейн)» (1899), в термине «социальное преобразование» «находит себе выражение принципиальная противоположность нового общественного строя старому – противоположность, которую местами отрицает сам Бернштейн»¹⁶.

Спор идет не о словах и даже не о методах. Спор идет о целях. В этой же работе Бернштейн утверждает, что феодальные отношения надо было уничтожить, а капиталистические – только развивать, ибо они достаточно гибки, чтобы приспособиться к любым требованиям прогресса¹⁷. Нечто похожее в середине XIX века можно было прочитать у Токвиля. Революции, установившие капитализм, оправданны; революции против капитализма – нет. В лице Токвиля вечность капитализма утверждало обуржуазившееся дворянство, в лице Бернштейна – обуржуазившийся пролетариат. Если и был смысл вводить новый термин, то только следующий: «соци-

---

¹⁵ Бернштейн, Э. Исторический материализм. – СПб., 1901. – С. 156.

¹⁶ Каутский, К. К критике теории и практики марксизма (Анти-Бернштейн). – М.–Пг., 1923. – С. 279.

¹⁷ Бернштейн, Э. Исторический материализм. – С. 249–250.

альное преобразование» капитализма не подразумевает переход власти, оставаясь частью эволюции капитализма.

Весьма скоро на позиции ревизионистов (правых социал-демократов) по вопросу о революции перешли и центристы, среди которых выделяются К. Каутский и Генрих Кунов (1862–1936). Обратимся к упомянутой работе К. Каутского «Анти-Бернштейн». Что понимает Каутский под революцией? Социальная революция – «цель, которую принципиально ставят перед собой»; политическая революция – «политическое потрясение, ускоряющее политическую жизнь нации и заставляющее ее пульс биться с полной силой, в противоположность контрреволюции, то есть такому потрясению, которое парализует политическую жизнь»¹⁸. Как они соотносятся – неясно, но Каутский явно склонен разделить их.

Упрекая Бернштейна за сведение революции к вооруженному восстанию («революции в полицейском смысле»), Каутский должен был бы показать, что существуют иные формы революции. Но такая постановка вопроса отсутствует. Социалистический «переворот, – пишет Каутский, – надо понимать не в полицейском смысле, не в смысле вооруженного восстания»¹⁹. А в каком? Будет ли революцией мирный приход к власти социал-демократической партии? Ответа нет. «Начиная с Лассалья, наша партия стремится ясно установить различие между революцией с помощью цепов и вил и социальной, и доказать, что она принципиально стремится только к последней»²⁰, – к цели, скрытой в тумане неизвестно сколь далекого будущего. Приход к власти социал-демократов стоит на повестке дня; социальная революция – нет. Бернштейн связывал власть партии рабочего класса и социалистическое преобразование общества, считая то и другое несвоевременным; Каутский – разделил. Практически Каутский согласился с отношением оппонента к проблеме революции (она проходит «с помощью цепов и вил»). Разногласия сводятся к следующему: Бернштейн считает, что поскольку для социалистической революции нет объективных условий, социал-демократам не следует стремиться к власти; Каутский считает,

---

¹⁸ Каутский, К. К критике теории и практики марксизма (Анти-Бернштейн). – С. 279.

¹⁹ Там же. – С. 277.

²⁰ Там же. – С. 278.

что к власти стремиться надо, обходя вопрос о том, будет ли этот приход к власти социалистической революцией.

Аналогична позиция Г. Кунова. Так же разделив понятия «политическая революция» и «социальная революция», он так же считал, что вторая вообще возможна без первой, то есть без перехода власти²¹. Мирный переход власти так же не включен Куновым в понятие «революция», отчего его прежде логичное и последовательное изложение исторического материализма именно в этом вопросе приобретает оттенок неприятной софистики. В отличие от Каутского, часто менявшего свою позицию, Кунов прямо утверждал, что капитализм в обозримом будущем непреодолим.

С научной точки зрения взгляды Бернштейна и его последователей – явная идеологическая подтасовка, что было отмечено левыми социал-демократами. «Кто высказывается за законный путь реформ *вместо* и в *противоположность* завоеванию политической власти и общественному перевороту, – писала Роза Люксембург (1871–1919), – выбирает на самом деле не более спокойный, не более надежный и медленный путь к той же *цели*, а совершенно *другую* цель, именно – вместо осуществления нового общественного порядка только незначительные изменения в старом»²². Однако, как всякая идеология, ревизионизм имел основу – интересы (в данном случае изменившиеся интересы западного рабочего класса, значительная часть которого более не нуждалась в революции). Пролетарская революция в развитых капиталистических странах стала невозможна и невозможна по сей день, что было воспринято противниками марксизма как доказательство ее принципиальной невозможности.

Какие же социальные явления относят к революциям немарксистские авторы? Во второй половине XIX века само собой разумеющимся считалось плавное развитие общества, без скачков; революции казались отклонениями. Этому времени соответствовал «социальный реализм» в общественных науках (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), уподоблявший общество организму. Эволюция – нормальное состояние организма. Революция – болезнь организма. Она бесплодна и бесполезна.

---

²¹ Кунов, Г. Марксова теория исторического процесса, общества и государства. – Т. 2. – Л., 1930. – С. 285–289.

²² Люксембург, Р. О социализме и русской революции. – М., 1991. – С. 63.

XX век принес понимание если не неизбежности совершения, то частой наблюдаемости фактов революций. Последовали попытки вскрыть их причины, что в принципе невозможно вне обращения к базису, то есть вне материалистического понимания истории. Поэтому крайне многочисленные концепции революции XX века весьма однообразны.

Начало «социологии революции» (термин П. Сорокина) было положено в первой четверти века, а с 1960-х годов выход книг, в основном в США, приобретает характер лавины. Некоторые авторы выделяют внутри «социологии революции» поведенческие (П. Сорокин), психологические (Дж. Дэвис, Т. Гарр), структурные (Т. Скокпол) и политические (Ч. Тилли) концепции²³; другие – политико-правовые (К. Бринтон, Х. Арентт, Ч. Тилли), психологические (Г. Лебон, П. Сорокин, Дж. Дэвис) и социально-структурные (Ч. Джонсон, Б. Мур, Т. Скокпол)²⁴.

Возможны и другие классификации, но вообще грани здесь весьма условны. Общим является рассмотрение психологического или управленческого аспекта революции, или обоих сразу. Революция выводится из поведения *людей* или из потребностей управления *людьми*, но не из закономерностей развития *общества*, потому что таковые, по сути, не признаются. С точки зрения основателя «социологии революции» П. А. Сорокина (1889–1968), революции происходят вследствие подавления базовых инстинктов людей – пищевого, полового, самосохранения и других. Симптоматично название книги американского социолога Т. Гарра «Почему люди бунтуют» (1970). Этим (тоже важным) вопросом «социология революции» подменяет другой – почему общество меняется?

Господствующий в XX веке на Западе «социальный номинализм» закрывает возможность выделения в социальной жизни *материальной* составляющей, не сводимой к людям, живущим в обществе, и определяющей их волю и сознание – производственных отношений. Попытки его преодоления («структурные» теории) ве-

---

²³ Штомпка, П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 376–386; Перевалов, В. П. Революция // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 3. – С. 429–430.

²⁴ Гавлин, М. Л. и Казакова, Л. А. Современные буржуазные теории социальной революции. – М., 1980. – С. 29; Они же. Революции социальной концепции // Современная западная социология. Словарь. – М., 1990. – С. 289–291.

дут к выделению в качестве основы общества *идеальных* явлений (ценностей, норм, обычаев, даже мифов) или *производных* от них (власти, легитимности, сбалансированности), то есть все равно не выходят за пределы надстройки.

Признание их изменчивости не сопровождается признанием направленности изменений. Соответственно нет и критериев прогрессивности или регрессивности перемен. Основными признаками революции считаются не возникновение нового, прогрессивного качества (хотя бы в политическом устройстве), а внезапность, незаконность, насильственный характер. Типичные определения революции – «незаконное изменение условий законности»²⁵; «изменение конституционных условий незаконными средствами»²⁶; «резкое внезапное изменение в положении политической власти»²⁷; «внезапное незаконное массовое насилие, направленное на ниспровержение политического строя»²⁸ и т. д.

Поэтому в число революций попадают дворцовые перевороты (Ф. Гросс, Дж. Питти, Ч. Джонсон), крестьянские восстания (Ч. Джонсон, М. Хэгопиан) и даже контрреволюции (М. Риджей). Перемены в рамках существующей правовой системы (приход к власти новой социальной силы путем победы на выборах; преобразование общества по инициативе господствующего класса) не считаются революциями.

Результаты революций ищутся также в сфере идей (реализация идеи свободы у Х. Арндт, перемена господствующей системы ценностей и мифов у С. Хантингтона, Д. Йодера и т. д.) и в сфере управления (смена элит, модернизация политических институтов у С. Хантингтона и т. д.). Иногда революция считается в принципе безрезультатным явлением (К. Бринтон).

Другой общий недостаток – неясность соотношения революции и эволюции: либо полный разрыв, либо полное слияние. Как правило, если исследуется революция, то исследуется только революция: эволюцию объяснять не надо. Если же этот вопрос поставлен, то

---

²⁵ Schrecker, P. Revolution as Problem in the Philosophy of History // Revolution. Ed. by C. J. Friedrich. – New York, 1967. – P. 38.

²⁶ Pettee, G. S. The Process of Revolution. – New York, 1971. – P. 3.

²⁷ Kamenka, E. The Concept of Political Revolution // Revolution. Ed. by C. J. Friedrich. – New York, 1967. – P. 124.

²⁸ Rejai, M. The Strategy of Political Revolution. – New York, 1973. – P. 9.

общность двух форм прогресса понимается только как включение революций в состав эволюции, пример чего дает книга В. Ф. Вертхайма «Эволюция и революция: волны освобождения» (1974). Революции наряду с войнами – «периоды острого политического конфликта»²⁹, то есть особая часть эволюционного процесса, а не переход на новую стадию эволюции. От восстаний «революции» (или «революционные движения»), автор не различает этих понятий) отличаются лишь степенью опасности для существующего строя³⁰. Конфликты любой остроты для общества вредны, а их появление не фатально, поэтому полезно и возможно предотвращение революций.

Применение подходов «социологии революции» к реальным революциям Нового и Новейшего времени дает следующие результаты. Из номиналистского раздробления социальной революции на множество уникальных событий, ни одно из которых само по себе не является социальной революцией, следует вывод об отсутствии социальной революции как таковой. К тому же выводу приводит и вживание в эпоху, стремление смотреть на революции глазами их участников: выясняется, что никто из них не помышлял о социальной революции, так как мыслил иначе, чем мыслим мы. Подчеркивание преемственности в развитии общества превращает революцию в незначительный эпизод насилия. Подчеркивание внезапности и краткости революций упраздняет эпоху социальной революции: длительность преобразований признается доказательством их эволюционного характера. Наконец, сведение революций к насильственной борьбе за власть или реализацию идей должно доказать их бесполезность для прогресса и приоритет реформ. Вот типичный пассаж, вышедший из-под пера известнейшего немецкого социолога Ральфа Дарендорфа (р. 1929): «Всюду, во Франции и в России, на Кубе и в Никарагуа... революция неизменно имела два последствия: следы демократии очень скоро стирались новыми диктатурами, а экономические условия ухудшались, оставаясь незавидными на десятилетия. Похоже, что революции создают не меньше, а может и больше, проблем, чем разрешают»³¹ и т. д.

---

²⁹ Wertheim, W. F. *Evolution and Revolution: The Rising Waves of Emancipation*. Harmondsworth, 1974. – P. 118.

³⁰ *Ibid.* – P. 127.

³¹ Дарендорф, Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. – М., 1998. – С. 15.

Правда, на следующей странице настроение автора резко меняется: «В той мере, в какой предназначением революций является устранение старого режима, завершённые революции не могут быть неудачными. Они успешны почти по определению»³². Неожиданная проницательность Р. Дарендорфа, идущая вразрез с заявленной ранее позицией, объясняется тем, что в данном случае он пишет о переворотах 1989 года в Восточной Европе, приведших к власти буржуазию. Успехи буржуазии всегда делают ее идеологов восприимчивыми к идеям прогресса.

Однако буржуазные перевороты «снизу» не так уж часты, поэтому обычным для немарксистской социологии является именно противопоставление революции и реформ, которым однозначно отдается предпочтение. Исследование революций тогда превращается в поиск «рецепта предотвращения давно победившей революции»³³. Строго говоря, при подобном понимании революции само это понятие оказывается ненужным. Оно имеет смысл только при стадийном подходе к истории – как переход от одной стадии к другой, более прогрессивной. Но немарксистская социология избегает стадийности, сводя все социальные явления к ненаправленным изменениям.

Отказ от научного использования понятия «революция» является конечным выводом книги английского социолога Питера Калверта «Революция» (1970). Для него это понятие разлагается на четыре других: «восстание», «изменения в государственном устройстве», «насилие» и «милленаризм» (ожидание «тысячелетнего царства праведников», что можно перевести как «утопизм» и «мессианство» вместе). В то же время, предполагает П. Калверт, понятие «революция» можно было бы использовать как синоним «социального распада (dissolution)», но тут же отменяет эту идею. Отмечает не потому, что революция как форма прогресса несовместима с распадом (такая постановка вопроса отсутствует), а потому, что полного распада не бывает из-за способности людей приспособиться с большим или меньшим успехом к условиям «аннигиляции»³⁴.

---

³² Дарендорф, Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. – М., 1998. – С. 16.

³³ Панкратова, М. Г. Проблематика русской революции в американской русистике // Историческая наука и некоторые проблемы современности. – М., 1969. – С. 199.

³⁴ Calvert, P. Revolution. – London, 1970. – P. 143–144.

Позиция П. Калверта весьма последовательна. Действительно, немарксистская социология при анализе революций вполне может обойтись перечисленными им понятиями. Однако ложным является не понятие «революция», а социология, отказывающаяся от него из-за неспособности объяснить обозначаемое им явление.

Противопоставление реформ и революции – основная мысль работы Карла Раймунда Поппера (1902–1994) «Открытое общество и его враги» (1945). Хотя 19-я глава и носит название «Социальная революция», книга Поппера не принадлежит к «социологии революции». У него нет концепции революции. У него есть концепция ненужности социалистической революции как насильственного взятия власти промышленными рабочими с целью избавиться от нищеты. Именно такова, по мнению Поппера, концепция социалистической революции Маркса. Следовательно, если будет доказано, что рабочие могут избавиться от нищеты без социалистической революции, в рамках капитализма, нужда в социалистической революции отпадет. Это и доказывает Поппер. «Если рабочие убедятся в том, что их жизнь улучшается и при капитализме, они могут предпочесть постепенные реформы подавлению правящего класса и “полной победе” над ним»³⁵.

Отчасти Поппер ломится в открытую дверь. Никто не спорит с тем, что капитализм существует по сей день и что он существует не только благодаря полицейскому насилию, но и благодаря улучшению жизни класса наемных работников. Проблема в другом. Необратимо ли это улучшение? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо ответить на другой: за счет чего оно достигнуто? Поппер очень сильно облегчил свою задачу, отказавшись говорить об исторических закономерностях и сведя историю к поступкам людей, но не заметить проблему источника прочности капитализма все же не смог.

Попперу хорошо известно, что его аргумент марксисты парируют контраргументом – благоденствие Запада есть следствие ограбления колоний, где нищета не только не уменьшается, а возрастает. Поэтому интересно рассмотреть его ответ. Этот контраргумент Поппер называет «вспомогательной гипотезой» к «исходной теории об-

---

³⁵ Поппер, К. Открытое общество и его враги. – М., 1992. – Т. 2. – С. 181.

нищания» и считает следствием идеологического раздражения марксистов, не желающих принять факт улучшения капитализма. Сначала Поппер отмечает, как он полагает, противоречие между взглядами Маркса, обвинявшего капиталистическую систему в пауперизации рабочих, и взглядами Энгельса и Ленина, некоторое время спустя обвинявших ее в обуржуазивании рабочих. Поппер полагает, что капиталистическую систему нельзя обвинять и в том, и в другом. Его собственное отношение к системе выдает ироническое – «она все еще обвиняется!» Обвинять капиталистическую систему, считает Поппер, не в чем: «Хотя нищета, в которую ввергла туземцев колонизация, является одной из самых черных страниц истории нашей цивилизации, нельзя утверждать, что нищета туземцев возросла со времен Маркса. Совсем наоборот – их положение заметно улучшилось. В то же время, если бы вспомогательная гипотеза, как и исходная теория, о которых шла речь, были бы верными, то обнищание жителей колоний было бы очень сильным»³⁶.

Поражает не позиция Поппера: ничего другого от него не ждешь. Поражает уровень аргументации – ни фактов, ни цифр, ни дат. Единственная щель в идеологической броне, открытая для научной полемики – заключительная фраза.

Итак, если бы обнищание жителей колоний было очень сильным, то вспомогательная гипотеза, как и исходная теория, о которых шла речь, были бы верными. За последние 30 лет доля общемирового дохода 20 % беднейшего населения земного шара сократилась с 2,3 % до 1,4 % (20 % богатейших возросла с 70 % до 85 %; соответственно их доходы соотносятся как 1:75)³⁷. Следствием этого неравенства, в частности, является тот факт, что в «третьем мире» каждые 4 секунды от голода умирает человек (данные II Всемирного конгресса по проблеме голода, 2002 год)³⁸.

Последние данные по России: за первую половину 2004 года 20 % богатейших получили 46,6 % всех доходов («верхние» 10 % – 30 % доходов), увеличив за год свое финансовое благополучие на 0,3 %; 20 % беднейших – 5,4 % («нижние» 10 % – 2 % доходов)³⁹.

³⁶ Поппер, К. Открытое общество и его враги. – М., 1992. – Т. 2. – С. 218.

³⁷ Семенов, Ю. И. Философия истории. – С. 550.

³⁸ Варгас, Э. Голодный человек – опасен // Наша перспектива. – № 2 (8). – 2002, август.

³⁹ Зыкова, Т. Каждый пятый – богатый. Разрыв между бедными и состоятельными растет // Российская газета. – 2004. – 4 августа.

«Децильный коэффициент» равен 1:15. Такой, хотя и высокий (1:10 на Западе считается признаком социального неблагополучия), но не поражающий воображение, разрыв вызван тем печальным обстоятельством, что «верхние» 10 % россиян не так уж богаты. В Москве, где сосредоточено настоящее богатство, разница в доходах между «верхним» и «нижним» 1 % населения равна 1:100 (!)⁴⁰.

Не знаю, что значит «очень сильное обнищание» с точки зрения Поппера, но вряд ли можно усомниться в том, что богатые становятся богаче, а бедные – беднее.

На Западе идет аналогичный процесс. В 1976 году 1 % богатейших граждан США владел 19 % богатства страны; в 1995 – 40 %. «Нижние» 90 % – 51 % и 29 % соответственно. Приведя эти цифры, американский ученый Роберт Стоун пишет: «Поскольку капитализм не мертв, живо и сердце марксизма»⁴¹.

Спорить, по сути, не о чем – кроме, пожалуй, проблемы «тирании». Надо отметить, что Поппер – отнюдь не противник насилия. Он оправдывает не только – в духе Токвиля – насильственное («революционное») свержение «тирании», но и применение насилия для защиты «демократии»⁴². Никаких иных форм правления, кроме «тирании» и «демократии», как и иных проблем, связанных с властью, он не выделяет, что было бы странным, если бы не заявленная позиция: «Нам давно пора уже понять, что вопрос “Кто должен обладать властью в государстве?” незначителен по сравнению с вопросами “Как осуществляется власть?” и “Как много власти сосредоточено в руках тех, кто ею обладает?”»⁴³.

Такая постановка вопроса нелогична с точки зрения тех, кто *не обладает* властью: если они хотят узнать, *как* осуществляется власть и *как много власти* сосредоточено в руках тех, кто ею обладает, они должны знать и то, *кто* находится у власти. Зато такая постановка вопроса логична с точки зрения тех, кто *уже обладает* властью: вопрос о власти «по Попперу» исключает смену власти. Существующая власть может осуществляться в разных формах, но

⁴⁰ Лебедева, Г. Богач-бедняк со Старого Арбата // Российская газета. – 2003. – 1 декабря.

⁴¹ Стоун, Р. Почему марксизм жив? Потому что жив капитализм // Альтернативы. – 1998. – № 3. – С. 21.

⁴² Поппер, К. Открытое общество и его враги. – Т. 2. – С. 177.

⁴³ Там же. – С. 189.

она вечна. Не узнав, кто нами правит, мы не сможем отстранить его от власти. Все, чего могут добиться подвластные – уступок от не-сменяемых хозяев жизни. «Можно создать рабочему условия не хуже, чем у скаковой лошади, правда, от этого и собственности у него будет не больше, чем у скаковой лошади», – писал Г. К. Честертон (1874–1936)⁴⁴.

Вопросы о форме осуществления власти – демократии и тирании, – на мой взгляд, важны, но вторичны. «Когда доктор Поппер делит все правительства на тирании и демократии, он принимает такой принцип классификации, который не соответствует фактам, – писал английский марксист Морис Корнфорт (1909–1980). – Было ли, например, правление Тюдоров в Англии тиранией или демократией?.. Предлагаемая Поппером поголовная классификация далеко не точна. И главный ее недостаток становится очевидным при рассмотрении того, каким образом отдельные правительства фактически создавались и что они делали. Так, например, древняя тирания Писистрата в Афинах по своей социальной базе и функциям очень сильно отличалась от современной тирании, установленной Гитлером в Германии, так как действия Писистрата были направлены на подрыв власти прежнего господствующего класса, тогда как действия Гитлера имели целью обеспечить господствующий класс неограниченной властью»⁴⁵. Поэтому свержение иной тирании, вопреки Попперу, может быть контрреволюцией, а свержение иной демократии – революцией.

Не могу не привести другую цитату из книги Корнфорта, относящуюся уже не только к Попперу, но и к «социологии революции». «Доктор Поппер предупреждает нас, что, как только индивидам даются какие-нибудь диктаторские полномочия, у них возникает стремление удержать эти полномочия, расширить их и злоупотреблять ими в ущерб демократии. И действительно, опыт многих революций подтверждает это предупреждение... Этот процесс в настоящее время рассматривается многими как нерушимый закон революции: «революция пожирает своих детей». Что же нам делать

---

⁴⁴ Честертон, Г. К. Хлыстом по рабочим // Честертон, Г. К. Писатель в газете. – М., 1984. – С. 182.

⁴⁵ Корнфорт, М. Открытая философия и открытое общество. Ответ доктору Карлу Попперу на его опровержение марксизма. – М., 1972. – С. 351.

с этим? Должны ли мы по этой причине отказаться от любых демократических попыток ускорить коренное изменение общественной системы? Аргументы доктора Поппера не новы, и если бы англичане прислушались к ним триста лет назад, мы продолжали бы наслаждаться плодами «божественного права» королей»⁴⁶.

В актив «социологии революции» можно отнести *описания* психологических или политических явлений, происходящих накануне и в ходе революции. Так, американский социолог Джеймс Дэвис в работе «К теории революции» (1962) считает, что революции происходят не в период наиболее острых кризисов и не в период устойчивого подъема, а в ситуации, когда период подъема, внушивший людям надежды, сменяется резким упадком. Резкая смена надежды безнадежностью ведет к революции. Такой была ситуация в России перед 1917 годом⁴⁷. Это наблюдение представляется верным – преодолевается психологическая антиномия «отчаяние – надежда», бывшая предметом разногласий Бакунина и Кропоткина. Если посмотреть глубже, чем смотрит Дж. Дэвис, то видна основа этой психологической ситуации – исторический момент, когда старые производственные отношения, прежде бывшие стимулом, стали тормозом развития.

Другой американский социолог Чарльз Гилли дает описание хода событий в революции: возникновение оппозиции – мобилизация ею сторонников – попытки правительства противодействовать – установление оппозицией контроля над частью министерств или регионов – борьба за расширение контроля – победа, поражение или компромисс между оппозицией и правительством – восстановление единого порядка⁴⁸. В итоге получается даже не социология, а технология революции, формально верная, но предельно абстрактная.

Те стороны революции, которые требуют не описания, а объяснения, немарксистская социология считает непознаваемыми. Чешский социолог Петр Штомпка в книге «Социология социальных изменений» (1993) завершает главу о революциях небольшим пес-

---

⁴⁶ Корнфорт, М. Открытая философия и открытое общество. Ответ доктору Карлу Попперу на его опровержение марксизма. – М., 1972. – С. 509.

⁴⁷ Davies, J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. – 1962. – V. 27. – № 3. – P. 1–19.

⁴⁸ Штомпка, П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 386.

симистическим разделом «Чего мы не знаем о революциях». Не знаем мы, с его точки зрения, «пять загадок или парадоксов», а именно: причин возникновения революций; причин поведения людей во время революций («революционной мобилизации»); причин и глубины преемственности между различными революциями; причин несоответствия результатов революций ожиданиям людей; предсказуемости революций⁴⁹. Проблемы не просто не решены, они неразрешимы. Это обусловлено тем, что субъектами исторического процесса являются люди, принимающие решения. Революции зависят от миллиардов решений, принимаемых людьми «с уникальной биографией» и «не предсказуемыми в поступках». История – сумма индивидуальных действий, поэтому научное изучение революций поможет «защитникам старого порядка» предотвратить их. Итогом является «парадоксальный вывод: теория революции бессмысленна, ибо если она способна предсказать, то предсказания будут опровергнуты, если же не способна, то это вовсе не теория»⁵⁰. Тупик очевиден, причем всей его безнадежности автор не постиг: если проводить позицию «социального номинализма» последовательно, то бессмысленна не только теория революции, а любое изучение общества: историю творят непредсказуемые индивиды, которые, узнав результаты исследований, сделают все наоборот.

Предоставляю читателю судить, насколько плодотворным занятием является конструирование альтернативы марксизму.

---

⁴⁹ Штомпка, П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 386–388.

⁵⁰ Там же. – С. 389.